

**О глаголах со значением «ломать / ломаться»
и их синонимах в хантыйском языке**

Г. Л. Нахрacheва

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
Galina_h-m@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Глаголы со значением деструкции составляют большую группу широкоупотребительных единиц хантыйского языка. В данной статье рассматриваются особенности структуры, семантики и функционирования глаголов разрушения с общим значением «ломать / ломаться» на материале хантыйского языка. Исследование проводится на материале западных диалектов хантыйского языка – казымском, шурышкарском и приуральском, с привлечением примеров на сургутском диалекте.

Цель: выявить и описать семантические и функциональные особенности, различия и сходства хантыйских глаголов со значением «ломать / ломаться» (включая и переносные значения).

Материалы исследования: словари хантыйского языка, тексты фольклорных сборников, а также полевые материалы автора.

Результаты и научная новизна. Впервые проводится систематизация и уточнение семантики данных лексем, анализируются их прямые и переносные значения. В результате исследования отмечено, что в хантыйском языке действуют два доминантных глагола мөрэтты и шўкатты, которые в целом покрывают основные ситуации понимания. Они образуют и метафорические сдвиги в сферу звука, болевых ощущений, физиологического состояния и эмоций. Параллельно имеется несколько глаголов для описания: разрушения, беспорядка, хаоса (глагол движения йакты в значении ‘разбить, разрушить, навести беспорядок’); разбросанных, сломанных, разбитых предметов / их элементов (стол, стул, посуда и т. д.) (ара йакты ‘smash’); разрушения, сопровождающегося образованием звука (херыты ‘ломаться со звуком (о чём-то ломающемся)’).

Ключевые слова: лексическая типология, глагол, хантыйский язык, лексическая семантика, семантический сдвиг, метафоризация

Для цитирования: Нахрacheва Г. Л. О глаголах со значением «ломать / ломаться» и их синонимах в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 1 (56). С. 52–60.

**About verbs with the meaning “to break”
and their synonyms in the Khanty language**

G. L. Nakhracheva

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
Galina_h-m@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: verbs with the meaning of destruction make up a large group of widely used units of the Khanty language. The article considers the features of the structure, semantics and functioning of verbs of self-destruction with the general meaning “to break” based on the material of the Khanty language. The study is conducted on the material of the Western dialects of the Khanty language – Kazym, Shuryshkar and Ural, – using examples of the Surgut dialect.

Objective: to identify and describe semantic and functional features, differences and similarities of Khanty verbs with the meaning “to break”, including figurative meanings.

Research materials: dictionaries of the Khanty language, texts of folklore collections, as well as field materials of the author.

Results and novelty of the research: as a result of the study, an extensive inventory of means of expression of the semantic category of destructiveness was identified and systematized; the structure of the specified lexical-semantic group was determined; common and specific features characterizing the plan of expression and the deep semantic structure of the

units under consideration in the Khanty language were found. The obtained results contribute to the systematic study of the vocabulary of the Ob-Ugric languages.

Key words: lexical typology, verb, Khanty language, lexical semantics, semantic shift, metaphorization

For citation: Nakhracheva G. L. About verbs with the meaning “to break” and their synonyms in the Khanty language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (1/56): 52–60.

Введение

В данной статье представлены результаты наблюдения над параметрами, различающими квазисинонимы со значением «ломать / ломаться» в хантыйском языке (на материале казымского диалекта), приведены примеры из шурышкарского, приуральского, сургутского диалектов. Выделение лексико-семантического поля деструктивности производится путём актуального для современной науки фреймового подхода к языковым средствам сходной семантики, изучающего отдельные семантические группы лексики в типологическом аспекте [7].

В ходе изучения лексического материала вскрываются нестандартные, малоизученные в лингвистической теории механизмы семантических сдвигов. Предварительно нами проанализировано 16 хантыйских глаголов со значением «ломать / ломаться», каждый из которых образует свои метафорические сдвиги. Спектр переносных употреблений этих лексем широк и разнороден.

Практическая значимость такого исследования заключается в возможности применения его результатов при сопоставлении родственных и разноструктурных языков, а также в практике перевода. Их анализ существенно расширит имеющиеся в современной науке представления о деривационных процессах в области глагольной лексики обско-угорских языков, в частности хантыйского. Теоретической основой исследования явились научные труды, посвящённые проблемам исследования лексической семантики как отечественных, так и зарубежных учёных [6; 8; 13; 18; 19; 20; 21].

Значительный вклад в описание лексико-семантических групп (ЛСГ) хантыйских глаголов в рамках когнитивного направления внесла В. Н. Соловар. В монографии «Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта)» [12] автор описывает систему элементарных простых предложений и их парадигму, что включает лексико-семантическую характеристику моделей элементарных простых предложений. В. Н. Соловар последовательно осуществила

анализ валентностных свойств хантыйского глагола, выявила список основных структурно-семантических моделей. Это первое системное описание элементарных простых предложений хантыйского языка. Исследователь утверждает, что каждая глагольная модель предложения связана с определёнными лексико-семантическими группами, что в свою очередь связано с сочетаемостью слов в хантыйском языке [12, 212]. Однако основной проблемой при этом продолжает оставаться лексико-семантическое описание значений каждой глагольной единицы в различных лексико-семантических группах глаголов, выявление их синтаксического окружения и семантического варьирования в диалектах хантыйского языка.

В задачи исследования входит: определение состава и структуры лексико-семантической группы глаголов разрушения со значением «ломать / ломаться» в хантыйском языке; исследование семантики глаголов на основе анкет информантов, словарных статей, фольклорных текстов; анализ функционирования рассматриваемых единиц в речи; изучение их синтагматических связей, описание системы значений для каждой из рассматриваемых лексем, установление семантических отношений между отдельными значениями внутри лексем, т. е. типов семантических сдвигов.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили примеры глаголов с семантикой физического воздействия, собранные автором во время экспедиций в посёлок Угут Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2022 г.; в Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа в 2022–2023 гг., а также данные словарей хантыйского языка [1; 4; 15; 22] и фольклорных сборников [9; 17].

В работе применяются следующие методы исследования: метод опроса, компонентный анализ, контекстуальный метод, метод сопоставительного анализа, описательный метод.

Результаты

К группе глаголов со значением разрушения относятся предикаты следующих типов: «ломать руками», представленное глаголом *мөрэ́тты*, общее значение «ломать» имеют глаголы *шў́катты*, *ара шў́катты*, *ара йакты* и «самопроизвольное разрушение» с глаголами *мөры́ты* ‘(с)ломаться’, *шў́калэты* ‘(с)ломаться’.

В хантыйском языке значение ‘ломать’ в основном выражают два каузативных глагола: *мөрэ́тты* ‘(с)ломать руками’, *шў́катты* ‘(с)ломать’. В основе структуры данных глаголов лежит сема воздействия «оказать такое воздействие, чтобы что-то сломалось», присущая только каузативным глаголам.

В отношении понятия каузативного глагола мы придерживаемся определения М. В. Всеволодовой: каузативные – это акциональные глаголы со значением интеллектуального или ментального, физического, социального действия, направленного на другое лицо или предмет, в результате чего последнее либо само совершает какое-либо действие, либо испытывает состояние, либо меняет качество [2, 58]. Эти глаголы описывают ситуации, в которых кто-либо, ударяя или изгибая какой-либо объект, разделяет его на части, нарушая целостность.

Данным каузативным глаголам свойственна «направленность на объект»: в результате воздействия субъекта объект переходит в новое состояние или качество. В общей семантической структуре присутствуют также семы причинности и результативности.

Е. Я. Гордон отмечает, что «каузативным является глагол, имеющий соотносительный некаузативный коррелят». Некаузативный коррелят (иначе декаузатив) в паре – «глагол, близкий по значению, но противопоставленный по отсутствию каузативности» [3, 5]. А. В. Филиппов каузативный глагол характеризует как глагол «двудействия», а некаузативный коррелят определяет глаголом «однодействия» [16, 90].

Типологии глаголов с семантикой ‘ломать’ в коми-зырянском и хантыйском языках посвящена работа Е. В. Кашкина [5]. Однако на материале хантыйского языка Е. В. Кашкин рассматривает метафоризацию глаголов данной семантики в тегинском говоре хантыйского языка, ограничиваясь только описанием прямых значений и одного семантического сдвига глагола *šykatti*, обозначающего нарушение функциональности объекта.

В хантыйском языке для глагола *мөрэ́тты* ‘(с)ломать’ имеется декаузатив *мөры́ты* ‘сломаться’, а для глагола *шў́катты* ‘(с)ломать’ – *шў́калэты* ‘сломаться’. Как известно, хантыйский язык богат глагольными превербами. Стоит отметить, что такие глаголы чаще всего используются с превербами *ара / архэ*, *кйтна*, *айа*, *шөпи / шоппи*, *хулт*, *шэ* – привносящими в контекст какие-либо семантические нюансы либо уточняющими аспектуальную интерпретацию глагола. Однако встречаются они и без превербов. На данный момент мы не ставим задачи выявить семантические различия между употреблениями глаголов разрушения с превербами либо без превербов, концентрируясь в первую очередь на глаголах с базовой семантикой разрушения. Подробное исследование обско-угорских глаголов с превербами на материале хантыйского и мансийского языков и их диалектов изложено в многочисленных статьях В. Н. Соловар [10; 11; 12; 13].

Глагол *мөрэ́тты* ‘ломать’

Глагол *мөрэ́тты* в основном значении ‘(с)ломать, перегнуть руками’ (каз / шур.), *мөритэ́та* (сург.) является представителем подгруппы ‘разрушение руками’. Он описывает ситуации разделения твёрдого объекта руками, изгибая (переламывая) его. Глагол относится к группе глаголов квазиинструментального воздействия, поскольку его внутренняя форма хорошо видна, и исходная семантика ещё не забыта носителями языка. Именно этой внутренней семантикой глагола, его исходным значением определяется круг общих прототипических объектов, характерных для данного глагола. Объектами служат негибкие вытянутые или плоские предметы, которые можно разломить руками (ветка дерева, хлеб, опавший валежник (хворост) и т. д.). Активность исходит от действующего лица, имеющего определённые цели, намерения, для воздействия на выбранный объект. В качестве типичного субъекта действия выступает человек.

Йў́х нў́в мө́рэтсэм ‘Я обломил ветку дерева’ (каз.) [15, 310];

Лў́в кў́ншиэп кйтна мө́рэмэслэ ‘Она расчёлку разломала на две части’ (каз.) [15, 197];

Порны́н ими но́хащ ло́йты ю́хат пе́нкна порла́ллы, ё́сна мө́ритла́ллы, ку́рна пу́рантла́ллы ‘Ведьма стала вверх торчащие палки грызть зубами, ломать руками, топтать ногами’ (приур.) [9, 63];

Лъув ньань архэ мөримтэх панэ мэнаты мэй-тэх ‘Он разломил хлеб и передал нам’ (сург.) [1, 49].

Для хантыйского языка характерно то, что агентивными свойствами носители языка наделяют не только одушевлённые, но и неодушевлённые предметы, это отражается в том, что позицию каузатора здесь могут занимать существительные, обозначающие события, явления, качества, состояния, процессы в пассивной конструкции (что является специфичной особенностью хантыйского языка): *Вяккэу вот сорам нёвэат мөритэл* ‘Сильный ветер сухие ветки ломает’ (сург.). Физическое воздействие оказывается агенсом – не человеком, непрототипическим каузатором выступает *вот* ‘ветер’. *Так лерэп йүхэт вотэн күтлэп эвалт шөпа мөрэтлият* ‘Деревья с крепкими корнями ветер ломает пополам’ (каз.) [15, 645]. В данном примере агенс, выраженный именем существительным, стоит в форме локатива (иначе местного, местно-творительного падежа в различной терминологии) и имеет показатель *-эн*. Пациент так *лерэп йүхэт* выражен именем существительным в форме номинатива. В этом случае отсутствует протопическое значение результативности воздействия, нет целенаправленности, соответственно нет и намеренности действия. Это неконтролируемая, произвольная каузация. В качестве каузаторов могут выступать и другие имена стихийных явлений, которые одним своим существованием воздействуют на каузируемый объект (дождь, гроза, буря, и т. п.).

Этим глаголом описываются неприятные интенсивные длительные болевые ощущения в определённой части тела, воспринимаемые как результат постоянного воздействия в значении метафоры болевого ощущения. Метафорически используется для описания неприятных ощущений в частях тела человека, ощущения слабости, вызванной лихорадкой. Субъект при данном глаголе обычно указывает на часть тела, экспериенсер вводится как посессор локализации боли. Непереходный глагол *мөрэты* в значении ‘болеть’ способен охватить практически все ситуации, связанные с физическим недомоганием, локализованным в определённом участке тела человека, кроме головы: *Күр ловлам мөрэтлият* ‘Кости ног болят (букв.: кости моих ног ломит)’ (шур.); *Элем мөрэтла* ‘Тело=моё болит (букв.: тело ломит)’ (шур.); *Каишэу лөв йятэм мятты ки пёрла на мөрэтла* ‘Каждый сустав моих костей как будто грызут

и ломают’ (шур.) [4, 42]. В казымском диалекте ситуации, связанные с физическим недомоганием, локализованным в определённом участке тела выражаются глаголом *пурты* ‘грызть’: *Лъув йитлам пурлайэт* ‘Суставы=мои ломит (букв.: соединения костей=моих грызут)’ (каз.).

От глагола *мөрэты* образуется адъективированное причастие прошедшего времени *мөрэтам* (о человеке), которое может описывать образ человека в значении ‘горбун, сгорбленный, с увечьями, горбатый’ в примере: *мөрэтам Алёша* [устное сообщение А. А. Шияновой, г. Ханты-Мансийск, 2023], *мөрэтам ху* [22, 958]. Как видим из примеров, данное значение коррелирует с наличием у этого глагола семы ‘перегнуть, согнуть’.

В значении ‘поломать на кусочки, крошить’, преверб *айа* вносит дополнительную семантику: *Ньяньен айа мөрэты!* ‘Хлеб поломай на куски’ (шур.) [ПМА 2: Нахрачев].

Глагол *мөрэты* в сочетании с превербом *хулт* и суффиксом моментального действия =*эм*: *хулт мөрэмэты* приобретает значение ‘отломать’: *Хүрун пүлые, щит ар йнтэ. Тэп хүрун эвалт ай тэхтэл хулт мөрэмэты рэхл* ‘Ну, корочка хлеба – это не так-то уж много. Только от корочки маленький кусочек отломить можно’ (каз.) [17, 36].

Глагол *шүкатты* ‘ломать’

Глагол *шүкатты* ‘(с)ломать’ (каз. / шур.), *сүкатты* (приур.) производный от существительного *шүк* ‘кусочек, крошка’ и каузативного суффикса =*ат*, передаёт разрушение вследствие различных причин:

1) повредить себя при падении, получить травму: *Күр йитэл шүкатэс* ‘Сломал сустав ноги’ (каз.) [15, 147]; *Лъув имел күрэл шүкатэс* ‘Его жена сломала ногу’ (шур.) [4, 150];

2) какого-то неожиданного (непреднамеренного) внешнего фактора: *Ма найн анэн шүкатсем* ‘Я твою чашку сломала’ (шур.); *Сэм картэм шүкатсем, лүнэтты йт веритлэм* ‘Очки сломал, читать не могу’ (шур.) [ПМА 2: Нахрачев]; *Өхлэм ньавремемэн шүкатса* ‘Нарты=мои ребёнок сломал’ (каз.);

3) влияния естественных природных процессов, погоды: *Йүх йеукэт увэн шүкатты щит питсайэт* ‘Течением ломает льды реки’ (каз.) [15, 650]. Каузатор выражен неодушевлённым предметом, который наделяется определённой энергией для оказания воздействия. Часто именно явления природы воспринимаются говорящими как обладающие некоторой силой,

способной оказывать воздействие. Это может быть ветер, гроза, дождь, эмоция, необъяснимая сила и др. Природа обладает необъяснимой силой, подобной человеческой, способной даже убить: *Йа, ма йшевам-йохлам тэм лүү хул пэлээн шукатсайэт* 'Ну, моих родителей-родственников в это лето всех грозой убило' (каз.) [15, 650]. Сочетание существительного *пэлээн* 'гроза' с глаголом *шукатты* имеет значение 'убить'. Это неконтролируемая, произвольная каузация.

4) внешнего воздействия со стороны одушевленного субъекта: *Хот томанэт шукатлайэт, ампарэт пелки мәншилайэт, пенсионерэт элты, сэнкман, ох шуклап нох ньарамалайэт* 'Замки домов вскрывают (ломают), у сараев двери выбивают, пенсионеров, избивая, последние деньги забирают' (шур.); *Вөнши йүх леваса шукатсэт* 'Сосны без надобности сломали' (каз.) [15, 650].

Глаголом *шукатты* может быть описано не только повреждение или нарушение функционирования объекта, но и одним из контекстов семантической зоны деструкции является процесс прокладывания дороги по бездорожью, связанный в сознании (в картине мира) носителей языка, по-видимому, со значением 'разбить'. Словосочетание *йуш шукатты* имеет значение 'делать, прокладывать дорогу (букв.: дорогу ломать)', во время ранней весны, передвигаясь пешком, либо на лошади в упряжке, либо на снегоходе; по насту, разбивать верхний слой снега, утаптывать и делать дорогу крепче. Этот семантический сдвиг отмечен и в западнохантыйских диалектах у В. Штейница в DEWOS: «brechen / проломать *šukättal*: *kurəj xo manti još šukättal* [durch den Felsen] bricht er einen Weg, der von dem schlittensfahrenden, dem fußgehenden Mann begangen werden kann. Веке, Ö.: Eszaki-oszt jäk szöjegyzdk. Nordostjakisches Wörterverzeichnis» [22, 851]. Данное значение подтверждено информантом: *Торэн хара мәнэс йуш шукатты* 'Поехал на сенокос [на снегоходе/лошади] пробивать/делать дорогу (букв.: дорогу ломать) [насту]' (шур.) [ПМА 2: Нахрачев]. Данное словосочетание употребляется и при описании разбитой дороги, по которой невозможно проехать или пройти: *Тракторэн йушэв холт шукатса* 'Трактором разбили всю дорогу' (шур.). Кроме описанной выше сочетаемости, в словаре В. Н. Соловар зафиксированы значения 'вспахать', 'разбить', но без примеров употребления [15, 651].

Глагол *мөрыты* 'ломаться'

Глагол *мөрыты* '(с)ломаться' (каз/шур.), *мөрыта* (сург.) используется при описании:

1) внешнего воздействия на объект:

Йүх нүвап мөрыйэс 'Ветка дерева обломилась' (каз.) [15, 310];

Пырийэ йн пәкэс рома омэсты, сыйэл күтэн пөрлэмэс па сорэм нүв хойсэлэ па шөпи мәрэмэс 'Чирок не мог усидеть на месте, взлетел и задел сухую ветку, которая переломилась' (каз.) [17, 22];

Ики көрэх, йнтап мөрыйэх 'Мужчина упал, ребро его сломалось' (сург.) [1, 9].

2) отрицательного эмоционального состояния человека.

В этом значении этот глагол включает в себя сему 'растрескаться' в составе сравнительной конструкции, лицо злого человека сравнивается с мёрзлой берестой: *Ши мурт хәннэхө лыкән, нүр потэм тунты веншэл мөрыйэл* 'До такой степени человек зол, лицо=его как мёрзлая береста раскалывается' (каз.) [15, 310].

3) физиологического состояния (быть, находиться, пребывать в каком-либо физиологическом состоянии).

У глагола *мөрыты* с исходным значением '(с)ломаться / переломиться' появляется другое переносное значение 'переход в физиологическое состояние' в составе устойчивого выражения в виде имени существительного *кур* 'нога' и глагола в субъектном спряжении.

Күрэл мөрыйэс 'Sie hat die Menstruation (букв.: нога=её сломалась (физиол.))' (каз.) [15, 310]. Данное значение отмечено у В. Штейница в DEWOS: в юганском говоре сургутского диалекта «Mundart am Jugan [Sur]: *J. Kōrəl morijəu* 'Sie hat die Menstruation'» [21, 957]. Метафорически данное выражение употреблялось в ситуациях общения, когда было необходимо скрыть смысл высказываемого от непосвящённых. В данном фразеологизме содержится информация о переходе девочки из одного возрастного периода в другой. Как отмечает М. А. Лапина, в хантыйской культуре, «как только девушка достигала возраста половой зрелости, она начинала соблюдать ряд ограничений, запретов, жить по законам, принятым в данном окружении. С этого времени её социальная роль менялась. Теперь она должна была подчиняться тем правилам, которые обязаны соблюдать женщины в семье и в обществе» [7, 77].

Глагол *шўкалэты* ‘сломаться’

Глагол *шўкалэты* ‘сломаться’ (каз/шур.) применяется:

1) в ситуациях, когда объект приходит в негодность, разрушившись, разбившись на части под влиянием внешних факторов: *Кэшем нълэл шукалэс, йълна нълэтсем* ‘Рукоятка ножа сломалась, сделал новую рукоятку’ (шур.); *Анем шукалэс* ‘Чашка=моя сломалась’ (шур.) [ПМА 2: Нахрачев]; *Ляям налат ант сукалалат, юхат ант тохлат ицки эвалт* ‘Людам теперь не приходилось мёрзнуть в своих жилищах, и топорича не ломались при рубке дров’ (приур.) [8, 113]; *Шай нўтэм ул рӑкнэс, шўкалэс* ‘Чайник упал, сломался’ (каз.).

2) для описания внутренних процессов, происходящих с объектом, нарушение его функциональности без разделения на части в значении ‘сломаться’. Когда речь идёт о нарушении нормального функционирования различных видов техники и механизмов, вследствие неисправности предметов и потере ранее присущих им функций. В этих случаях будет использован глагол *шўкалэты* ‘сломаться’, имеющий в себе сему ‘прекращение функционирования технических устройств и механизмов’, говоря о хрупких предметах и механизмах: *Йўвман моторэв на холт шўкалэс, йэша ловэлтсэв* ‘Когда ехали, мотор сломался, немного гребли’ (шур.); *Щосэм шўкалэс, ат мӑнэл* ‘Часы=мои сломались, не идут’ (шур.) [ПМА 2: Нахрачев]; *Тэльэпонэм шўкалэс* (каз.) ‘Телефон мой сломался’. Для сургутского диалекта будет использован аналогичный по семантике глагол *орийта / улэ орийта*, имеющий значение ‘сломаться (о хрупком предмете или механизме)’: *Мотор улэ орийэх / Моторэм орийэх* ‘Мотор=мой сломался’ (сург.) [ПМА 3: Обирина].

На материале казымского диалекта в статье В. Н. Соловар [11, 476], нам встретился глагол *йакты* ‘танцевать’. Этот глагол имеет также значение ‘разбить, разрушить, навести беспорядок’: *Хотэм вуллы йакмэл* ‘Они дом мой привели в беспорядок’ (каз.). В первом значении он относится к ЛСГ действия, одновалентный. Во втором значении он присоединяет преверб – *ара*: *ара йакты*, остаётся двухвалентным и входит в ЛСГ деструкции: *Анлал ара йакмэл* ‘Они разбили чашки’ (каз.) [15, 33]. Глагол *йакты* ‘танцевать’ входит в группу глаголов способа движения, обозначает колебательные амплитудные движения в пространстве,

производимые, как правило, сверху вниз или из стороны в сторону. Сочетаясь с превербом – *ара* он образовал метафору. Разбросанные, сломанные, и разбитые предметы / их элементы (стол, стул, посуда и т. д.) сравниваются с танцующим человеком. Сочетание глагола с твёрдыми объектами (стол, стул, посуда и т. д.), колебание которых обусловлено потерей функциональности в результате применения удара (вещь разделилась на куски), описываются глаголом *ара йакты*, имеющим значение ‘сломать / разбить’: *Пӑсанэм иса ара йакмэл* ‘Стол совсем разбили’ (каз.) [ПМА 1: Соловар], при этом в подобных переходных контекстах присутствует сема «неодобрительности, недовольства» ситуацией со стороны говорящего. В сургутском диалекте имеется аналогичный по семантике глагол *кӑста* ‘сломать, разбить, разворотить’ [1, 53]: *Лӑхнэ ма вартэ омэстэ пӑсанэм улэ кӑси* ‘Они сломали мой красный стул’; *Лӑхнэ чай анхэт улэ кӑсат* ‘Чашки они разбили’; *Лӑпас лўвнэ улэ кӑси* ‘Лабаз он разворотил’ [1, 53]. Анализ значений данных глаголов выявляет присутствие в их семантике семы «силы», «внезапности» и «интенсивности».

По данным информантов, глагол *йакты* используется и для обозначения ходьбы (шатания) пьяного или больного человека, движения которого характеризуются неустойчивостью в положении стоя и при ходьбе, нарушением координации, бесцельным хождением туда-сюда. Он переходит в ЛСГ глаголов поведения: *Муӑй леваса йаклэн* ‘Что ты зря ведёшь себя неподобающим образом (букв.: что ты зря танцуешь)’ (каз.) [ПМА 1: Тарлин].

Особое место в системе глаголов разрушения хантыйского языка занимают лексемы, обозначающие разрушение, сопровождающееся образованием звука, например, глагол *херыты* содержит в своей семантике глухой скрипящий звук ‘ломаться со звуком (о чём-то ломающемся)’ [15, 630; 22, 547]: *Асэн йэнк херыйэл* ‘Лёд на Оби ломается с хрустом (о ледоходе)’ (шур.); *Йўхэт похэл вот порайэн херылэт* ‘Во время сильного порыва ветра деревья ломаются с треском’ [ПМА 2: Нахрачев].

Обсуждение и заключение

Таким образом, все рассмотренные выше глаголы предполагают разрушение объекта. На первый взгляд может показаться, что данные глаголы *мӑрэтты/ шўкатты* свободно взаимозаменяемые, но при анализе данных единиц

прослеживается их сочетаемость лишь с определённым кругом слов.

Мы выявили, что деструкция приобретает различные способы выражения в эмоциональной сфере, в физиологическом состоянии, в абстрактных понятиях или состояниях, не предполагающих физического воздействия как такового, а нарушение функциональности объекта без разделения на части.

В результате анализа сочетаемости предикатов со значением «ломать / ломаться», нам удалось выявить некоторые особенности устройства поля разрушения в хантыйском языке. Метафор в зоне глаголов со значением «ломать / ломаться» мы выявили 13 типов. Для каждого мы подробно описали механизм образования, кроме того, мы дополнили значения глаголов данной семантики: описали два новых значения глагола йакты, не зафиксированных в словарях хантыйского языка: 1) бесцельное хождение туда-сюда; 2) разбить, разрушить, навести беспорядок.

Глаголы со значением «ломать / ломаться» принципиально различаются по способу воздействия на объект: глагол *мөрэтты* – сгибание предмета, глагол *шўкатты* – разрушение путём давления на объект или удар по нему, что накладывает свой отпечаток при метафорическом сдвиге в данных глаголах.

Глагол *шўкатты* предполагает физическое воздействие, как с помощью инструмента, так и без него. Он имеет широкую сочетаемость в казымском и шурышкарском диалектах, описывает процесс ломания/разрушения не только руками, но и с помощью инструмента, с помощью транспорта. Глагол *мөрэтты* предполагает разрушение структуры объекта при помощи инструмента, данного человеку самой природой, т. е. при помощи рук, предполагает целенаправленное (намеренное) воздействие субъекта (одушевлённое лицо) на объект;

При анализе лексического материала мы наблюдаем, что в хантыйском языке на материале шурышкарского и казымского диалектов глагол *шўкатты* ‘(с)ломать’ покрывает значительную часть ситуаций разрушения объекта. В семантической зоне разрушения в сургутском диалекте имеется доминантная лексема – глагол *мөритэ́та* ‘(с)ломать’. В контекстах, предполагающих разрушение плоского вытя-

нутого предмета (палка, ветка, кусок хлеба), осуществляемого путём его сгибания, используется глагол – *мөрэтты* и передаётся значение ‘(с)ломать руками’.

В метафорической сфере глагол *мөрыты* описывает разнообразные ситуации: боли, эмоций и физиологического состояния. Этот глагол, соответствующий русскому *ломаться* (*часы сломались / телефон / телевизор сломался*), не допустим и не применяется в ситуациях описания неисправности в системе механизмов, такая ситуация описывается глаголом *шўкалэты*. Исходя из данных по сургутскому диалекту в ситуациях, описывающих поломку механизмов (не предполагающее его разделение) или повреждения предметов, используется аналогичный по семантике глагол *орийта*: *Чосэм/тэ́лэфонэм орийэх* ‘Часы=мой/телефон=мой не работают (букв.: сломались)’ (сург.); *Пасан орийэх* ‘Стул сломался’ (сург.) [ПМА 3: Обирина].

Помимо этого глаголы *шўкалэты* и *шўкатты*, но никак не *мөрыты* и *мөрэтты*, употребляется применительно к конечностям человека, на материале казымского и шурышкарского диалектов в значении ‘повредить/сломать’ – путём удара по ним или падения на них, где присутствует сема непреднамеренного, не планируемого, не контролируемого результата действия: *Күрэл шўкалэс* ‘Нога=его сломалась’ (каз.) [ПМА 1: Тарлин]; *Йошад шўкалэс* ‘Рука=его сломалась’ (шур.) [ПМА 2: Нахрачев]. При этом когда речь идёт о повреждении позвоночника, спины, шеи, то вполне допускается использования глаголов *мөрыты*, *мөрэтты*, в их семантике заключён способ воздействия на объект – разламывание твёрдого объекта путём сгибания, о чем свидетельствуют проведённые ниже примеры: *Санэл тўрал ци мөрытлэн* ‘Шею его ломаешь’ (каз.) [15, 484]; *Шани лөвэл мөрэтсаллы* ‘Позвоночник сломал’ (шур.) [ПМА 2: Нахрачев]. Совершенно противоположная картина складывается в сургутском диалекте. Так, глаголом *мөрита* описывается повреждение частей тела человека (в отличие от казымского / шурышкарского диалектов): *Лүв күрэл мөримтэмин, путат нёз пёвал* ‘У него нога сломана, поэтому опухла’ [1, 36]; *Күр энэл пау тёйнэ күнч мөримтэх* ‘На кончике большого пальца ноготь сломался’ [1, 15].

Диалекты хантыйского языка

каз. – казымский диалект; приур. – приуральский диалект; сург. – сургутский диалект; шур. – шурышкарский диалект.

Список источников и литературы

1. Волкова А. Н., Соловар В. Н. Хантыйско-русский тематический словарь (сургутский диалект). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 212 с.
2. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 2000. 502 с.
3. Гордон Е. Я. Каузативные глаголы в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 26 с.
4. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарёва, С. В. Онина, А. А. Шиянова. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
5. Кашкин Е. В. О роли целостного рассмотрения языковой системы в лексической типологии (опыт исследования коми-зырянских и хантыйских глаголов со значением 'ломать') // Лингвистический беспредел – 2: Сбор. науч. трудов к юбилею А. И. Кузнецовой / под общ. ред. А. Е. Кибрика. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 184–200.
6. Концепт БОЛЬ в типологическом освещении / Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. Киев: Видавничий дід Дмитра Бураго, 2009. 424 с.
7. Лапина М. А. Регламентация взаимоотношений в хантыйской семье // Вестник Югорского университета. 2006. Вып. 2. С. 76–79.
8. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
9. Соловар В. Н. Обско-угорские глаголы с превербами деструктивной семантики // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1 (52). С. 143–149.
10. Соловар В. Н. Особенности семантики хантыйских глаголов с превербом ара // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 3. С. 470–478.
11. Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск: Любава, 2009. 264 с.
12. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с превербами хулт / холт / хоц / хот // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 3. С. 493–501.
13. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с превербами йухи / йохы / ййџ / юв // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 309–318.
14. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 689 с.
15. Сязи (Серасхова) А. Сборник сказок и рассказов. Салехард: Ямал-Медиа, 2022. 288 с.
16. Филиппов А. В. К вопросу о каузативных и некаузативных глаголах // Русский язык в школе. 1978. № 1. С. 90–93.
17. Хянты моньщят = Хантыйские сказки: сборник / сост. Н. В. Рагимова, Н. И. Вах. Ханты-Мансийск: Формат-72, 2023. 70 с.
18. Evans N. Semantic typology // The Oxford Handbook of Linguistic Typology. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. Pp. 504–533.
19. Koptjevskaja-Tamm M. Approaching Lexical typology // From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. Pp. 3–52.
20. Majid A., Bowerman M., Staden M., Boster J. The semantic categories of cutting and breaking events: a crosslinguistic perspective // Cognitive linguistics. 2007. № 2 (18). Pp. 133–152.
21. Majid A., Levinson S. C. Language does provide support for basic tastes // Behavioral and Brain Sciences. 2008. № 31. Pp. 86–87.
22. Steinitz W. Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991. Vol. I–XV. 2023 p.

Полевые материалы автора

- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Ханты-Мансийск, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, апрель 2023 г. (Информанты: В. Н. Соловар, 1958 г. р.; П. Т. Тарлин, 1970 г. р.).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в г. Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ, июль 2023 г. (Информант: Л. Н. Нахрачев, 1953 г. р.).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в п. Угут Сургутский р-н., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, апрель, июль 2022 г. (Информант: А. Е. Обирова, 1972 г. р.).

References

1. Volkova A. N., Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij tematicheskij slovar' (surgutskij dialekt)* [Khanty-Russian thematic dictionary (Surgut dialect)]. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena Publ., 2018. 212 p. (In Khanty, Russian)
2. Vsevolodova M. V. *Teoriya funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa* [Theory of functional communicative syntax]. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 2000. 502 p. (In Russian)
3. Gordon E. Ya. *Kauzativnye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Causative verbs in the modern Russian language]. Moscow, 1981. 26 p. (In Russian)
4. Valgamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shiyanova A. A. *Dialektologicheskij slovar' hantyjskogo yazyka (shuryshkarskiji priural'skij dialekt)* [Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Ural dialects)]. Yekaterinburg: Basko Publ., 2011. 208 p. (In Khanty, Russian)
5. Kashkin E. V. *O roli celostnogo rassmotreniya yazykovoij sistemy v leksicheskoi tipologii (opyt issledovaniya komi-zyryanskij i hantyjskij glagolov so znacheniem 'lomat')* [About the role of a holistic consideration of the language system in lexical typology (the experience of studying Komi-Zyryan and Khanty verbs with the meaning of 'break')]. *Lingvisticheskij*

- bespredel* – 2: *Sbornik nauch. trudov k yubileju A. I. Kuznetsovoj* [Linguistic chaos – 2: Collection of scientific works for the anniversary of A. I. Kuznetsova]. Ed. A. E. Kibrik. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 2013. Pp. 184–200. (In Russian)
6. Britsyn V. M., Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Yavorskaya G. M. *Koncept BOL' v tipologicheskom osveshhenii* [The concept PAIN in typological perspective]. Kiev: Vidavnichij dim Dmitra Burago Publ., 2009. 424 p. (In Russian)
7. Lapina M. A. *Reglamentaciya vzaimootnoshenij v hantyjskoj sem'e* [Regulation of relationships in the Khanty family]. *Vestnik Yugorskogo universiteta* [Bulletin of the Yugra University], 2006, no. 2, pp. 76–79. (In Russian)
8. Rakhilina E. V., Reznikova T. I. *Freimovyi podkhod k leksicheskoj tipologii* [Frame approach to lexical typology]. *Voprosy iazykoznanija* 2 [Issues of Linguistics 2], 2013, no. 2, pp. 3–31. (In Russian)
9. Solovar V. N. *Ob-Ugric verbs with the preverbs of destructive semantics* [Ob-Ugric verbs with preverbs of destructive semantics]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (1/52), pp. 143–149. (In Russian)
10. Solovar V. N. *Osobennosti semantiki hantyjskih glagolov s preverbom ara* [Features of the semantics of Khanty verbs with the preverb ara]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (3), pp. 470–478. (In Russian)
11. Solovar V. N. *Paradigma prostogo predlozheniya v hantyjskom yazyke (na materiale kazym'skogo dialekta)* [Paradigm of a simple sentence in the Khanty language]. Novosibirsk: Lyubava Publ., 2009. 264 p. (In Russian)
12. Solovar V. N. *Strukturno-semanticheskie osobennosti obsko-ugorskih glagolov s preverbami hujt / hojt / hoshch / hot* [Structural and semantic features of Ob-Ugric verbs with preverbs hujt / hojt / hoshch / hot]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (3), pp. 493–501. (In Russian)
13. Solovar V. N. *Strukturno-semanticheskie osobennosti obsko-ugorskih glagolov s preverbami johi / jäḣə / juv* [Structural and semantic features of Ob-Ugric verbs with preverbs johi / jäḣə / juv]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (2), pp. 309–318. (In Russian)
14. Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij slovar' (kazym'skij dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2020. 689 p. (In Khanty, Russian)
15. Syazi (Serashkova) A. *Sbornik skazok i rasskazov* [Collection of fairy tales and short stories]. Salekhard: Yamal-Media Publ., 2022. 288 p. (In Khanty, Russian)
16. Filippov A. V. *K voprosu o kauzativnyh i nekauzativnyh glagolah* [To the issue of causative and non-causative verbs]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian language at school], 1978, no. 1, pp. 90–93. (In Russian)
17. *Hänty mon'shchät = Hantyjskie skazki: sbornik* [Khanty tales: collection]. Comp. N. V. Ragimova, N. I. Vakh. Khanty-Mansiysk: Format-72 Publ., 2023. 70 p. (In Khanty, Russian)
18. Evans N. *Semantic typology. The Oxford Handbook of Linguistic Typology*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. Pp. 504–533. (In English)
19. Koptjevskaja-Tamm M. *Approaching Lexical typology. From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations*. Ed. by M. Vanhove. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. Pp. 3–52. (In English)
20. Majid A., Bowerman M., Staden M., Boster J. The semantic categories of cutting and breaking events: a crosslinguistic perspective. *Cognitive linguistics*, 2007, no. 2 (18), pp. 133–152. (In English)
21. Majid A., Levinson S. C. Language does provide support for basic tastes. *Behavioral and Brain Sciences*, 2008, no. 31, pp. 86–87. (In English)
22. Steinitz W. *Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991. Vol. I–XV. 2023 p. (In German)

Field materials of the author

Field materials of the author 1 – *Hanty-Mansiysk, Hanty-Mansiyskij avtonomnyj okrug – Yugra, aprel' 2023 g. (Informanty: V. N. Solovar, 1958 g. r.; P. T. Tarlin, 1970 g. r.)* [Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, April 2023 (Informants: V. N. Solovar, 1958 year of birth; P. T. Tarlin, 1970 year of birth)].

Field materials of the author 2 – *Ekspediciya v g. Salekhard, Yamalo-Nenetskij avtonomnyj okrug, iyul' 2023 g. (Informant: L. N. Nahrachev, 1953 g. r.)* [Expedition to Salekhard, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, July 2023 (Informant: L. N. Nahrachev, 1953 year of birth)].

Field materials of the author 3 – *Ekspediciya v p. Ugut, Surgutskij rajon, Hanty-Mansiyskij avtonomnyj okrug, aprel', iyul' 2022 g. (Informant: A. E. Obirina, 1972 g. r.)* [Expedition to Ugut village, Surgutsky District, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, April, July 2022 (Informant: A. E. Obirina, 1972 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нахрacheва Галина Леонидовна, ведущий научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А), кандидат филологических наук.

galina_h-m@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2700-4437

ABOUT THE AUTHOR

Nakhracheva Galina Leonidovna, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira Str., 14A), Candidate of Philological Sciences.

galina_h-m@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2700-4437